

СТАРАЯ ПРОФЕССИЯ

Классик Габриель Гарсиа Маркес, 66 лет. Приехал в Севилью, чтобы присутствовать на корриде, которая состоится во время традиционной осенней ярмарки. «Мой приезд — не новость, — говорит «Габо», так его здесь называют. — Ведь я половину жизни провожу в Испании! А в Севилью, совершенно верно, приехал ради быков». Разговаривали мы с ним по телефону, любовью телефонный разговор получается сумбурным, и все же этот мне показался интересным.

— Из Севильи поеду в Барселону, — говорит Габо.

— Вы едете на День книги?

— Со мной произошло нечто такое, что никогда прежде не происходило. На этот раз книга руководела мною, а не наоборот, что и порождало чувство неуверенности. Но постепенно я успокоился. Мои друзья, — те, которых я уважаю, кто, принося себя в жертву, читает мои гранки и потом говорит правду, — убедили меня. Они сказали, что роман им очень понравился, что это одно из лучших моих сочинений, по словам некоторых, даже лучше «Ста лет одиночества»!

— Вам стоило многих усилий написать этого романа!

— Я написал одиннадцать версий, потом шесть раз правил уже в верстке.

КОРРИДЫ ГАБРИЕЛЯ ГАРСИА МАРКЕСА

— Почему только на день? — не понял он. — Нет, на месяц. У меня в Барселоне дом.

— А что вы можете сказать о вашем последнем романе, который называется «О любви и о других демонах»?

— Я никогда не разговариваю о моих романах и уж тем более не собираюсь говорить об этом. Ни одно из моих сочинений не порождало во мне такого чувства неуверенности! Все шло не так, как обычно, все было как-то по-другому. Более того, я знаю, что некто пустил в обращение «пиратский» вариант моей книги, очень отличающийся от окончательного текста. Одна из газет опубликовала пересказ варианта. Само по себе это меня не очень беспокоило, просто неприятно, потому что выпущенная версия элементарно плохо сделана.

— А чем вы объясняете чувство неуверенности, которое испытывали во время работы?

— Вы так же, как Хуан Марсе, считаете, что художественное произведение никогда не кончается!

— Что до меня, я никогда не перечитываю написанное, а все из-за страха: вдруг захочется взять ручку и приняться за правку. Я взял за правило один принцип: ничего не менять после издания книги. Что же до последней — «О любви и о других демонах» — я особенно боюсь возможных ошибок, поскольку действие происходит в Картагене в XVIII веке.

— А ваши мемуары продвигаются?

— Нет, все остановилось. Я ведь пишу мемуары в перерывах между одним романом и другим, а сейчас я как раз погрузился в очередную.

— Можете рассказать о нем что-нибудь?

— Это будет книга-репортаж. Я чувствую тоску по журналистской работе! Некоторое время назад в од-

ном местечке в Колумбии кто-то отравил хлеб, люди начали болеть. Я хотел поехать туда, написать репортаж. Даже заголовок придумал: «Отравленный хлеб». Но потом подумал, что если сделаю это, все журналисты будут обсуждать, как я написал материал, вместо того, чтобы заняться судьбой несчастных, отравившихся хлебом. Поэтому я не поехал, а теперь вот решил сделать книгу-репортаж.

— Если журналистика вызывает у вас такую ностальгию, почему бы вам не взяться за новую серию статей, подобно той, что была опубликована в «Ель Пайс»?

— Те статьи тоже были написаны в перерывах между двумя романами, чтобы рука «не остывала». И опубликованы потом одной книжкой. Но все это в прошлом.

— А какую школу журналистики вы создаете в Картагене?

— Работа над проектом идет всюю. Я назову ее

«Школа-кузница» журнализма, в отличие от официального Факультета Наук по коммуникациям, где журналистику убивают. Мою школу возьмет под свое покровительство ЮНЕСКО. Здесь все будут изучать на практике. Организуем курсы, на которых студенты будут обучаться, как пользоваться магнитофонами и прочей аппаратурой, осваивать технику интервью. Журналисту необходима внушительная культурная база, богатая практика. И хорошее знание этики. Ведь на свете существует столько плохих журналистов, которые сами выдумывают новости, если таковых оказывается недостаточно!

— Но не все же такие!

— Плохих журналистов всегда больше, но о моих коллегах, с которыми я работаю, не могу сказать ничего дурного.

— Возвратимся к вашим мемуарам. Они будут «тематическими» или «хронологическими»? Вы уже начали их писать?

— Да, уже написано сто страниц. Когда будет триста, опубликую первый том. Он будет состоять из отдельных статей или глав, темами которых будут друзья, детство, журналистика.

— А о чем рассказывают уже написанные страницы?

— Об одной поездке в колумбийскую деревню, — я посетил ее вместе с моей матерью. Все, что я знаю, предопределило это маленькое путешествие!

И вот тут, перебив поток моих вопросов, Гарсиа Маркес говорит:

— А разве мы не условились, что я скажу всего несколько фраз?

— Да, но вы же не отказались поговорить побольше.

— Ладно. Но тогда уж не утверждайте, что Гарсиа Маркес противный и упрямый человек.

Джоанна КОРРЕТИ.
СЕВИЛЬЯ.

Перевела с итальянского
Марина ФИЛАТОВА.